

Описание коренных народов Енисейского Севера в материалах священников-миссионеров (вторая половина XIX – начало XX века)

ХОМЕНКО ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ

Красноярский медицинский техникум (Красноярск), Россия

e-mail: khomenko_denis@mail.ru

Изучение истории народов Енисейского севера всегда было объектом внимания исследователей. Большой научный материал был накоплен дореволюционной и советской этнографической наукой. Достаточно изученными следует считать также и многие аспекты межэтнических отношений между коренным и русским населением Енисейского Севера, в частности, экономические контакты: меновая торговля и наёмный труд в рыбопромышленности.

Вместе с тем, исследователи испытывают дефицит источников, описывающих непосредственные, межличностные взаимоотношения, которые возникали между русским и коренным населением. Мы часто не имеем примеров «прямой речи» как от русских, так и от представителей коренных народов, соответственно, мы не можем установить, каким было их восприятие друг друга. Отчасти восполнить этот пробел могут документы священников-миссионеров, работавших на Таймыре в указанный период.

В 1871 г. в Красноярске был основан Енисейский епархиальный комитет Православного миссионерского общества [Вдовин, 2011, с. 97]. Целью комитета была христианизация коренных народов Приенисейского края. Для этого приходы Енисейского Севера были объявлены миссионерскими. Приходские священники-миссионеры вели делопроизводственную документацию: отчёты, рапорты, путевые и богослужебные журналы, которая отложилась в фонде комитета в Государственном архиве Красноярского края. Представляется, что потенциал этих материалов ещё недостаточно полно используется исследователями этнической истории Енисейского Севера, несмотря на появление специфических работ в данном направлении [Полханова, 2014].

Целью настоящей работы является выявление особенностей восприятия и отношения священников к коренным народам Енисейского Севера. Миссионеры описывали бытовые условия проживания и деятельности северных жителей. Эти описания, как правило, сопровождалось оценочными характеристиками. Эти оценки позволяют понять, как воспринимали священники свою паству, как относились: как к равноправным партнёрам, или как к «дикарям»; испытывали к ним жалость или отвращение.

Священники часто описывали бытовые условия проживания коренных жителей как антисанитарные и крайне неопрятные. Благочинный церковью Туруханского края Михаил Суслов в 1880 г. так описывал внутреннюю обстановку в чуме: «Везде грязь, нечистота, сор; тут и там валяются обглоданные кости . . . оленьи зубы и проч. Всё это дополняется нестерпимым запахом разлагающихся нечистот, смешивающимся с удушающим дымом костра» [ГАКК, ф. 667, оп. 1, д. 22, лл. 12об. - 13]. Катехизатор Стефан Семёнов в своём дневнике из поездки на оз. Ессей зимой

1893 1894 гг. так описал свои впечатления от посещения чума: «Когда вошли в чум, то нас обдало каким-то удушливым тяжёлым запахом человеческого пота и дыма . . . теснота страшна, и от дыма нет спасения» [Там же, д. 70, лл. 4 об. - 5 об.]. Аналогичные картины нарисованы при описании быта эвенков в миссионерском отчёте по Ессейскому приходу за 1895 г.: «тунгус . . . носит одну рубашку до тех пор, пока не износится до ворота; умывается плохо; сморкается в кулак или на палочку, держа её за оба конца и вращая под носом . . . по своей нечистоплотности почти все тунгусы страдают от чесоточных и других паразитов, с которыми они борются постоянно, прибегая даже к помощи зубов» [Там же, д. 80, л. 6 об.]. Впрочем, встречались среди коренных жителей и отрядные исключения. Положительных оценок священников удостаивались быт, одежда, жилище ессейских якутов и долган. Священник Павел Попов в отчёте за 1900 г. обратил внимание на одежду и внешний вид якутов: «причесанные волосы, шуба на дорогом меху, серебряный пояс, а у женщин – массивные из серебра серьги и таковой же на цепи крест, носимый поверх платья на груди; на многих стариках шелковые халаты» [Там же, л. 156]. В отчёте священника Дудинской Введенской церкви указано, что «долганы отличаются чистоплотностью» [Там же, л. 178]. Обращает на себя внимание, что описания нечистоплотного быта «инородцев» более красочные и подробные, чем положительные примеры. Возможно, это связано с тем, что священники сталкивались с непривычной для себя обстановкой, которую и желали описать подробно. Значительной критике в своих отчётах миссионеры подвергали приверженность «инородцев» различным порокам. К числу наиболее упоминаемых относилось пьянство. Священник Верхне-Инбацкой Успенской церкви Михаил Прозоровский писал в 1902 г.: «О пьянстве уже и говорить лишне. Все инородцы до страсти любят вино, пьют все без исключения» [Там же, д. 104, л. 9 об.]. Благодетель М. Суслов в 1880 г. так писал о поведении пьяных самоедов: «пьяные инородцы держат себя всегда шумно и буйно: никогда не обходится в это время у них без ссоры, если не без крупной драки» [Там же, д. 16, л. 50 об.]. В отчёте по Ессейскому приходу за 1895 г. описан «один из сотни» случаев массового пьянства тунгусов, свидетелем которого стали путешествующие священники: «во время пути позволяют себе пить водку, и в самых неумеренных дозах. Пьянство бывает поголовное . . . тунгус в нетрезвом виде готов на преступления . . . наши спутники открыли повальное пьянство, сопровождавшееся оргиями». Автор отчёта пытался образумить тунгусов, но его увещания вызвали агрессию со стороны «некоего старика Стефана»: «забрел в наш чум . . . Достаточно поругавши нас и оплевавши, через часа 3 4 удалился от нас продолжать своё пьянство» [Там же, д. 80, лл. 7 8]. Среди других пороков часто упоминалась лень. Священник Тазовской Николаевской церкви Владимир Заводский отмечал, что «инородцы», жившие возле оз. Хантайского «живут грязно, к труду относятся апатично» [Там же, д. 58, л. 4 об.]. О лени как о пороке, характерном для остяков, писал в рапорте от 18 июля 1904 г. иеромонах Макарий (в миру – Михаил Суслов) [Там же, д. 113, л. 5 об.]. Говоря о характере тунгусов, катехизатор С. Семёнов указывал в письме от 3 марта 1895 г.: «Они отличаются мстительностью, и коварством, и лицемерием» [Там же, д. 74, л. 10]. Благодетель М. Суслов в путевом журнале 1880 г. писал, что самоеды имели «дурную привычку браниться скверными словами . . . Я слышал как маленькая девочка лет трёх-четырёх . . . бранилась непечатным русским словом» [Там же, д. 16, л. 82]. В отчёте Введенской Дудинской церкви за 1898 г. священник Александр Перепёлкин отмечал, случаи оленекрадства. Впрочем, автор тут же указал, что «воровство позволяют себе немногие инородцы». Среди пороков названа также картёжная игра [Там же, д. 80, л. 102]. Священник той же церкви в другом

отчёте разделил коренных жителей Енисейского Севера на «честных» и «нечестных»: «тунгусы и долгане народ очень честный . . . а самоеды и юраки, хотя не все, но большая часть занимаются воровством оленей и зверей из ловушек» [Там же, л. 159]. Священник Тазовской Николаевской церкви Фёдор Овчинников среди пороков «инородцев» указал в 1900 г. следующие: «ложь, обманы, хвастовство, а главное, нахальное обирательство своей же братии» [Там же, л. 122 об.]. К мнению священника присоединился катихизатор той же церкви Григорий Мелентьев: «господствующие пороки среди Тазовских инородцев суть: обман, ложь, лесть и отчасти воровство . . . карточной же игры и т.п. пороков не замечается» [Там же, д. 103, л. 6 об.]. В то же время среди остяков наблюдалось противоположное положение: «картёжная игра в деньги или на беличью шкуру . . . О пороке воровства между остяками не слышно» [Там же, д. 104, лл. 9 - 9 об.].

О положительных чертах характера коренных жителей Енисейского Севера священники писали значительно меньше и в меньших подробностях. В частности, в отчёте А. Перепёлкина за 1898 г. указано, что «самая хорошая черта у инородцев это безусловная верность жён» [Там же, д. 80, л. 102 об.]. Наибольших положительных оценок, как и в случае с особенностями быта, заслуживали ессейские якуты. С. Семёнов в письме от 3 марта 1895 г. указывал, что «характер у них открытый более или менее . . . развито братолюбие и оттуда помощь беднякам» [Там же, д. 74, л. 10 об.]. Характерно, что именно ессейские якуты наиболее осознанно исповедовали христианство. В отчёте по Ессейскому приходу за 1895 г. указывается, что к причастию якуты относились «с истинным благоговением и приготовлением». [Там же, д. 80, л. 13 об.].

Священники априори считали цивилизованными людей, осознанно исповедовавших православие (хотя об этом напрямую и не говорится в отчётах, но это чувствуется по духу документов). Вероятно, поэтому якуты удостоиваются наиболее положительных оценок. При описании же авамских и вадеевских самоедов, которые категорически не принимали крещения, благочинный М. Суслов рисовал крайне неприятные и даже отвратительные для «цивилизованного» человека картины. «Особенно сильное отвращение внушали дикари некоторыми своими обычаями, напр., есть совершенно по-зверски желудок оленя, сырое и ещё тёплое мясо . . . обыскивая себя или соседа прикусывать зубами насекомых, обитающих на их грязных телах . . . семейство самоедов пожирало мерзкого теленка, выпоротого из олену (оленьей матки) . . . пожрали всё туловище, сокрушая зубами и ножами даже кости выпоротка . . . При виде этого, я начал гнушаться язычниками, считая их недостойными, не готовыми ещё к восприятию Святой Веры Христовой – мне показалось прискорбным доверить святыню этим полузверям» [Там же, д. 16, лл. 83, 85 - 85 об.]. Это описание интересно тем, что автор очень подробно описывает собственные переживания и собственное отношение к самоедам – как к людям абсолютно нецивилизованным, «полузверям». Важно также, что в этом отрывке М. Суслов напрямую связывает цивилизованность с православием, а дикость – с язычеством. Впрочем, далее в тексте следует рефлексия автора по поводу собственных чувств: «Я вспомнил, что Бог повелел Апостолу не почитать ни одного человека скверным или нечистым» [Там же, л. 85 об.]. Интересно, что М. Суслов счёл нужным не утаивать от читателя собственные переживания: для него было важно пересказать всю ту гамму чувств, которые он испытал в чуме самоедов.

Не только М. Суслов употреблял термин «дикарь» по отношению к коренным жителям Енисейского Севера. С. Семёнов в вышеупомянутом письме называет тунгусов первобытными дикарями [Там же, д. 74, л. 10]. Для автора отчета по Ессейскому приходу за 1895 г. те же тунгусы – «невинные дети суровой природы» [Там же, д.

80, л. 9]. Так же охарактеризованы «инородцы» в отчёте священника Дудинской Введенской церкви: «наивные, добродушные дети природы» [Там же, л. 174 об.]. Указывая на доверчивость, священники часто акцентировали внимание на том, что многие пороки (пьянство, игра в карты, воровство) «инородцы» переняли у русских. В отчёте по приходу той же церкви за 1898 г. указано, что «всё худое заимствовано от русских» [Там же, л. 102].

Несомненно, что самих себя миссионеры видели в роли носителей цивилизации, наставников для «дикарей». Прежде всего, приобщение к цивилизации должно было происходить путём приобщения «инородцев» к православию. Не случайно поэтому есеейские якуты, считавшиеся искренними христианами, не называются «дикарями» или «детьми». Вероятно, миссионеры нарочно акцентировали отрицательные с их точки зрения особенности быта, черты характера, привычки коренных жителей, чтобы подчеркнуть их «дикость».

Священникам приходилось прививать «инородцам» понятия о цивилизации не только путём христианизации. Священник Есеевского прихода П. Попов в 1896 г. сообщал, что ему «приходилось сообщать им из области гигиены и медицины, напр. как поступать при отморожении частей тела, при ревматизме и т.п.» [Там же, д. 89, л. 19 об.]. Священник В. Заводоский в 1894 г. сообщал, что в Тазовском приходе многие остяки болеют сифилисом, при этом «здоровые нисколько не остерегаются больных и едят с ними из одной чашки . . . я по сему поводу вел с ними беседу» [Там же, д. 65, л. 16 об.].

Кроме того, священники позиционировали себя как защитники коренных жителей от произвола русских торговцев. В своих отчётах и рапортах миссионеры приводили примеры спаивания «инородцев» русскими торговцами, неэквивалентной торговли и прямого обмана. Они обращали внимание на то, что торговцы часто препятствуют миссии, т.к. миссионеры осуждали пьянство, что было не на руку торговцам. Часто торговцы писали жалобы на священников, обвиняя последних в незаконной торговле. Впрочем, они и не скрывали, что иногда продавали по низким ценам или отдавали безвозмездно коренным жителям товары первой необходимости, но мотивировали свои действия жалостью и желанием помочь коренным жителям [Там же, д. 15, лл. 20 об. - 21].

Таким образом, документы священников-миссионеров, работавших на Енисейском Севере в конце XIX – начале XX века позволяют сделать выводы об отношении последних к коренным жителям края. Для них «инородцы» были прежде всего «дикарями», нецивилизованными людьми, которых необходимо приучить к цивилизации. Под этим понималось прежде всего принятие православия и следование требованиям церкви. Вместе с тем, вряд ли можно заподозрить священников в неискренности – они с сочувствием относились к тяжёлому положению коренных жителей, стремились защитить их от произвола русских торговцев.

Список источников и литературы:

- Вдовин А.С., Выдрин Е.В. К истории Енисейского комитета Православного миссионерского общества // Енисейский Север: история и современность. Вып.1. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. С. 96-108.
- Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф.667 (Енисейский губернский епархиальный комитет Православного миссионерского общества). Оп.1. Д. 15, 16, 22, 58, 65, 70, 74, 80, 89, 103, 104, 113.
- Полханова О.А. Дневники миссионеров Русской православной церкви как источник изучения этнографии коренных народов Енисейской губернии (середина XIX – начало XX в.) // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 240-244.